

«Не хотите сообщать? Тогда перестаньте тратить моё время и верните мои вещи!»

Оценщик уже открыл рот, чтобы возразить, но в этот момент вмешался хозяин лавки, который всё это время слушал происходящее из глубины помещения. Попивая чай и наблюдая за сценой, он понял, что дело зашло слишком далеко, и решил выйти вперёд.

Им нельзя было допустить дальнейшего обострения — этот гер был слишком вспыльчив. Если он и правда пойдёт жаловаться, власти могут начать копаться и в других, менее чистых делах оценщика.

«Ну-ну, — мягко произнёс хозяин, выходя с привычной улыбкой. — Давайте все успокоимся. Как насчёт того, молодой господин, чтобы я лично занялся вашими вещами и предложил достойную цену?»

По сути, проблема заключалась в одном: Шэнь Цин был недостаточно осторожен. Его внешний вид совершенно не вязался с теми ценностями, которые он принёс. Даже если он пойдёт в другой ломбард, там, скорее всего, возникнут те же самые вопросы.

Чем больше лавок он обойдёт, тем больше внимания привлечёт. А если ему попадётся особенно жадный и дотошный человек, тот вполне может тайком проследить за ним до деревни, начав раскапывать его происхождение и навлекая куда большие неприятности.

Гер Цин глубоко вдохнул. В этот момент он вдруг понял: то, что ему удалось добыть золото и серебро в другом мире, вовсе не означало, что он сможет легко превратить их в деньги и беззаботно шагнуть в ту обеспеченную жизнь, которую уже успел вообразить. Он серьёзно недооценил трудности: богатство, не соответствующее его положению, само по себе делало его мишенью, даже если он никого не провоцировал.

Как и этот ломбардный оценщик — тому было совершенно неважно, насколько тщательно он продумал оправдание.

Это осознание глубоко разочаровало гера Цина и остудило почти весь восторг, который он испытывал накануне, заполучив целый мешок украшений и мечтая о скором богатстве. Сейчас ему хотелось лишь поскорее закончить сделку. Он не желал идти в другой ломбард и привлекать ещё больше внимания, поэтому коротко сказал хозяину: «Мёртвый залог».

Хозяин лавки вновь тщательно осмотрел браслеты, затем положил их на весы. Каждый из браслетов весил чуть больше одного ляна, а серебряный замочек-подвеска — около трёх цянов.

«Серебро неплохого качества, работа тоже приличная. Если продаёшь насовсем, могу дать за всё три ляна серебра, — сказал он и, опасаясь, что гер Цин всё ещё сердится из-за недавней сцены, добавил: — Это уже высокая цена, вряд ли где-то предложат больше».

Оценщики обычно изо всех сил старались принизить стоимость вещей, поэтому, когда хозяин сказал, что серебро «неплохого качества», на деле это означало, что оно весьма хорошее.

В древности технологии выплавки металлов были куда менее развиты, чем в наше время. Серебро, официально принимаемое в казну и для уплаты налогов, называлось «стандартным серебром Палаты домохозяйств, десять из десяти», также известным как «полное серебро» или «чистое серебро». Однако, вопреки названию, его чистота составляла лишь около девяноста трёх с половиной процентов, примерно как у современного серебра 925-й пробы, что всё равно

было далеко от нынешнего серебра 999-й пробы.

На самом деле это серебро служило скорее расчётной мерой, чем ходовой валютой. Серебро высокой очистки было трудно получить и в повседневной торговле встречалось крайне редко. В большинстве гражданских сделок использовали серебро чистотой около семидесяти-восьмидесяти процентов, и при расчётах его стоимость обычно соответствующим образом пересчитывали. То же касалось и золота.

Гер Цин этих тонкостей не знал, но за взвешиванием следил внимательно. Быстро прикинув в уме, он понял, что помимо веса самого серебра, за счёт работы мастера ему добавили примерно сотню медных монет.

Утром он продал четыре вязанки хвороста и выручил всего чуть больше ста монет. Он не был уверен, выгодна ли эта сделка, но она уже превзошла его ожидания. К тому же этот ломбард внушал ему откровенное отвращение — задерживаться здесь дольше означало лишь навлечь новые неприятности. Не желая терять время, он кивнул в знак согласия.

Хозяин достал небольшую деревянную шкатулку, доверху наполненную обломками серебра. Перебрав их, он выбрал крупный кусок, примерно две трети слитка в пять лянов, и положил его на весы, выверяя ровно три ляна.

Будучи опытным торговцем, он умел довольно точно определять вес серебра на глаз, просто взвешивая его в руке. Его умение мгновенно прикидывать чистоту и стоимость было настолько отточенным, что он редко ошибался.

Гер Цин внимательно следил за процессом. Убедившись, что и вес, и проба соответствуют, он забрал закладную и серебряный кусок, спрятал их за пазуху и быстро вышел из ломбарда.

Он не успел отойти далеко, как заметил, что за ним кто-то идёт. Догадываться долго не пришлось — оценщик явно послал человека проследить за ним. К счастью, гер Цин немало времени провёл в горах и кое-чему научился у старого охотника, в том числе выслеживанию и уходу от погони. А поскольку преследователь не был профессионалом, избавиться от него оказалось совсем несложно.

Но произошедшее лишь подлило масла в огонь его злости.

Почему в этом мире так много подлых людей? Он ведь никого не провоцировал — всего лишь не захотел, чтобы его обманули, несправедливо сбили цену или отняли его вещи. И за это его уже выслеживают и подозревают. До чего же мерзко!

Неужели он должен был просто стоять и позволять вытирать о себя ноги? Если им хотелось сбить цену, он обязан был смириться? Если захотели забрать его имущество, должен был безропотно отдать?

И всё же такие люди были повсюду — те, кто считал, что если не воспользовался кем-то, значит, сам остался в проигрыше. Если им не удавалось кого-то обобрать, они ощущали себя обделёнными. А некоторые и вовсе приходили в ярость, если их лишали возможности нажиться за чужой счёт.

Тот ломбардный оценщик как раз и был человеком такого сорта. Ему не удалось обманом выманить у гера Цина браслеты за копейки, да ещё и пришлось опозориться перед каким-то гером. Это унижение лишь разожгло в нём злобу — вот почему он и послал человека проследить за гером Цином.

Вскоре приказчик вернулся, качая головой: «Потерял его. Надо признать, для гера он шустрый. Свернул пару раз — и след простыл. Либо с самого начала был настороже, либо отлично знает здешние улочки». Он немного подумал и добавил: «Но местным он точно не был. Если бы здесь жил гер с таким телосложением и внешностью, мы бы давно его заметили».

Хозяин лавки пренебрежительно махнул рукой: «Да брось. Ничего страшного. На сделке мы всё равно неплохо заработали».

□Он изображал, будто предложил геру Цину щедрую цену, но на самом деле лукавил — истинную стоимость столь тонкой работы он знал прекрасно. Если отправить эти украшения в столицу провинции, выручить можно было бы почти вдвое больше уплаченного.

«Стоит ли так заводить из-за одного гера?» — добавил он.

Но оценщик не собирался так просто забыть произошедшее.

«Вот именно поэтому и бесит! Он всего лишь гер, а я даже не смог поставить его на место! Позор! — злобно выплюнул он. — Ты правда веришь, что эти украшения его? Даже если он не украл их сам, они явно из сомнительного источника! А если у него есть ещё?»

Эти слова привлекли внимание хозяина.

Мстить геру Цину он не хотел, но возможность получить большую выгоду упускать не собирался. Даже если в итоге ничего не выйдет, они потеряют лишь немного людских сил — особых затрат это не потребует.

А вот если подозрения подтвердятся...

В глазах хозяина мелькнул холодный блеск: «Ты прав. Геры с такой внешностью — редкость. Пусть наши люди присматриваются. Если он ещё раз появится в городе, проследи за ним и выясни, откуда он».

Если украшения и правда были всего лишь семейным приданым — что ж, тогда ладно. Но если за этим скрывается нечто большее... Что бы этот гер о себе ни воображал, способов заставить его отдать всё у них найдётся достаточно.

А тем временем, пока в ломбарде строили против него планы, гер Цин уже продумывал свои собственные.

В лавке подержанной одежды он выбрал два добротных, аккуратно ношенных верхних платья, оба — как раз по размеру Мяо Ши. Жена лавочника, щёлкая семечки, с одобрением сказала: «Глаз у тебя хороший! Эти вещи только что поступили — чистые, ухоженные, прямо из усадьбы уездного магистра. Не смотри, что ношенные: слуги в богатых домах одеваются лучше, чем большинство простого люда».

Купить две совершенно новые вещи для него теперь не было проблемой — деньги позволяли. Но если после стольких лет нужды он вдруг станет выглядеть зажиточным, в деревне это обязательно вызовет пересуды. Люди начнут шептаться, гадая, откуда у бедной матери с сыном внезапно появились деньги. А это принесло бы лишь новые неприятности.

Поэтому он попросил хозяйку завернуть выбранную одежду для Мяо Ши, а затем стал подыскивать что-нибудь для себя.

Он был выше большинства мужчин, не говоря уже об обычных герах. Одежда, сшитая для геров, всегда оказывалась ему коротка. Жена лавочника заметила его замешательство и тоже слегка растерялась. Перебрав вещи, она сказала: «Кажется, на тебя у меня ничего нет».

□Потом достала несколько мужских одеяний и предложила: «Может, возьмёшь что-нибудь из этого и дома перешьёшь?»

Мужская одежда и одежда для геров заметно различались. Мужчины могли носить короткие куртки, а геры должны были одеваться почти как женщины: верхняя одежда обязана была доходить как минимум до середины бёдер, а то и до колен, скрывая линию талии и бёдер. Слишком приталенная одежда считалась бесстыдством, попыткой соблазнить мужчин. Даже самые бедные семьи не осмеливались экономить на этих лишних вершках ткани.

Поэтому жена лавочника предлагала ему вовсе не короткие куртки, а длинные халаты и ученические робы.

Гер Цин уже задумывался о таком варианте, и её слова избавили его от необходимости придумывать оправдание. Он взял бобово-зелёную учёную робу и накинул её на себя — глаза жены лавочника тут же загорелись.

Если бы не родимое пятно между бровями, при его росте и телосложении его легко можно было бы принять за статного молодого учёного!

«Тебе очень идёт! Правда, очень!» — похвалила она.

□Единственным недостатком было то, что годы работы в поле сделали его кожу смуглой, и зелёный цвет не слишком ему подходил. Она вытащила тёмно-синюю льняную робу и протянула ему: «Примерь эту, она сделает тебя светлее».

Но гера Цина лён не заинтересовал. Его взгляд упал на тёмно-синюю шёлковую тунику.

«Эта недешёвая», — доброжелательно предупредила хозяйка.

□Шёлк из дикого шелкопряда уступал по тонкости тутовому, но всё же оставался шёлком. Эту робу заложил игрок, проигравший всё подчистую. Когда-то его семья была весьма состоятельной, поэтому и ткань, и работа были отличными, а краска — насыщенной. Цена составляла восемь цянов серебра. Будь она новой, стоила бы не меньше двух лянов!

Глядя на залатанную грубую одежду гера Цина, хозяйка сомневалась, что он может позволить себе такую роскошь.

Гер Цин провёл пальцами по гладкому шёлку. Он никогда прежде не носил шёлковых вещей и почти не имел возможности даже прикоснуться к ним. В детстве он бывал в тканевых лавках вместе с Мяо Ши, но стоило ему украдкой дотронуться до ткани, как приказчики тут же одёргивали его. Теперь же, когда он мог себе это позволить, он спросил: □«Сколько стоит эта?»

Дело было не в том, что он проявлял несыновнюю неблагодарность, покупая себе шёлк, а Мяо Ши — лишь хлопок. У него были свои соображения.

Если по его лохмотьям судили, что украшения у него наверняка краденые, то разве более приличная одежда не сделает владение такими вещами куда правдоподобнее?

<http://bllate.org/book/14994/1356085>